

Содержание

Л. В. Анненков. Г-н Н. Щедрин

7

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

11

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ

223

ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ. *Избранные главы*

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ И МОНОЛОГИ

535

ТАЛАНТЛИВЫЕ НАТУРЫ

610

КАЗУСНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

673

СКАЗКИ

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК
ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

795

ДИКИЙ ПОМЕЩИК

803

5

ПРЕМУДРЫЙ ПИСКАРЬ

811

МЕДВЕДЬ НА ВОЕВОДСТВЕ

817

ОРЕЛ-МЕЦЕНАТ

829

КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ

839

ЛИБЕРАЛ

851

КОНЯГА

857

Г-Н Н. ЩЕДРИН

Н. Щедрин известен в литературе нашей как писатель-беллетрист, посвятивший себя преимущественно объяснению явлений и вопросов общественного быта. Все помнят его дебюты в литературе: он открыл тогда особенный род *деловой* беллетристики, который сам же и довел потом до последней степени возможного ему совершенства. Его «Губернские очерки» доставили пресловутой Крутогорской губернии и городу Крутогорску такую же почетную известность, какой пользуются другие географические местности империи, существующие на картах. Эта грязная «Атлантида» своего рода умела представить в одно время данные для административной поверки страны вообще, и для общественных и нравственных соображений публики в особенности. С тех пор г. Щедрин изменял редко деловому своему направлению, которое так удалось ему при дебюте, и почти никогда не употреблял пера своего на описание чего-либо, лишенного строгого гражданского характера, на какие-либо пустяки, касающиеся судьбы частного, безвестного лица или истории сердца, движимого интересами, которых прямо нельзя связать с интересами всего общества. Г-н Щедрин не знает таких случаев в жизни, которые важны были бы одним своим нравственным или художническим значением; он вполне свободен от сочувствия к эгоистическим радостям, надеждам и страданиям человека, самовольно прорастающим иногда в среде важных стремлений и вопросов эпохи, без явного отношения к ней, как прорастают кустарники и деревья на каменных сводах старых построек, не спросив никого. Все это дает деятельности г. Щедрина какой-то суровый характер, несмотря на откровенный его юмор и на замечательную способность его к политической карикатуре и к «*шарже*» вообще. Правда, почти рядом с официальным миром Крутогорской губернии г. Щедрин вывел нам другой мир — мир простонародья и показал признаки умиления, рассказывая нам об его религиозно-созерцательной жизни, наклонности к поэтическим ощу-

щениям долгих, благочестивых странствований, об его простоте в перенесении зол и нищеты и об оригинальном способе его воззрений на призвание человека, на отношения к людям, властям, учреждениям; но такое отступление от дела, в строгом смысле слова, было один только раз в его жизни. Г. Щедрин, кажется, первый усомнился в истине того рода поэзии, которую открыл за русским человеком, и поспешил стряхнуть с себя обаяние сладкой, но неверной мечты. Впрочем, можно допустить и другое объяснение этому факту. Временное уклонение г. Щедрина от постоянной его манеры было, может быть, только невольной данью, выплаченной им поэтическим элементам жизни, которые, не находя себе места в его обычной деятельности, должны были хоть раз сказаться в ней, и тем с большей силой, чем реже имели случай обнаружить себя. Это явление случайное, особенность, поясняемая самодеятельностью душевных сил, которые творят еще и не такие чудеса с людьми, — но к характеристике писателя оно относиться не может.

С той поры, однако же, г. Щедрин все строже оберегал себя от праздных или недозволенных порывов фантазии, наглухо запирает от них свою мастерскую и, надо сказать, все ближе подходил к идеалу делового беллетриста, какой может составить себе отвлеченная теория. В последних своих произведениях он простер наблюдение за собой в вышепоказанном смысле почти до аскетизма. Один том собрания его сочинений, следовавших за «Губернскими очерками», — «Сатиры в прозе», недавно вышедший и о котором мы намерены сказать здесь несколько слов, заключает в себе результат наблюдений автора над обществом, беспощадный и во многих случаях очень меткий анализ тайных побуждений, которые управляют мыслями, чувствами, поступками и жизнью обывателей Глупова — этого нового географического пункта, открытого г. Щедриным и отличающегося от других таких же пунктов тем, что настоящих его границ никто указать не может. Прежде всего мы видим тут, что автор уже покинул форму правильного рассказа, которой он еще держался в «Губернских очерках», и изобрел для себя новую — именно форму повествовательных размышлений. Оно и понятно: ведь настоящий рассказ есть тоже своего рода недозволенное развлечение для человека, занимающегося делом, и не только развлечение, но по требованиям отчета за всю свою постройку и по требованиям правомерного распределения красок он есть еще и стеснение. Освободившись от тяжести и ответственности обыкновенного рассказа, г. Щедрин свободно предался анализу, оценке и олицетворе-

нию тех элементов общества, которые он нашел в нем, когда новый моральный принцип, под видом крестьянской, административной и общественной реформы, насильно вторгся в средину его, спасая его и обнаруживая все тайные его болезни. Картина, представленная г. Щедриным, есть в своем роде мастерская вещь и, как домашняя история общества, может быть противопоставлена газетной или официальной истории нравственного положения образованных классов в знаменитую эпоху перелома, хотя вопрос, которая из этих историй вернее, остается вполне нетронутым. Трудно и перечислить все подробности щедринского понимания факта. Злоба потревоженных глуповцев, умеряемая только их страхом и привычкой повиновения, панический ужас, побеждаемый в свою очередь тайной надеждой на возвращение прежних времен, лицемерие, старающееся спасти остатки погибающих порядков яростным заявлением своей готовности на их преследование, грубость, своекорыстие и насилие, чувствующие, как убегает почва из-под ног их и вызывающие к новому принципу и к новой силе, в одно и то же время, с плачем и со скрежетом зубов, с мольбой о спасении и с проклятиями — тут все есть, даже и первые зачатки глуповского возрождения в форме молодых администраторов, пропитанных журнальными статейками и отыскавших в своем чтении поводы кичиться перед людьми и презирать целиком провинцию, за исключением ее вечно милой «клубнички»! Публика наша еще и не видала такого прямого, простого и ясного способа относиться к современности, но эта цельность воззрения всего более послужила г. Щедрину. Отсюда он получил свой особенный тон речи, необычайную изобретательность в приискании самого живописного слова для своей мысли и вообще характеристический стиль, чего нет ни у одного из его подражателей.

Можно подражать ему и даже превзойти его в мастерстве добиваться от лиц и событий самых неожиданных признаний. Но есть в нашем авторе сторона, под которую уже нет никакой возможности поддаться. Мы говорим о силе искренности и достоинстве его одушевления, которое слышится в каждой его строке. Г-н Щедрин всегда принимается за свою работу как фанатик этой самой работы. Благодаря этому качеству он решительно заслоняет собой всех других беллетристов — исследователей нашего быта, и в произведениях его, пожалуй, можно все подвергать сомнению, но сомневаться в его одушевлении или не испытывать его пафоса на себе кажется нам делом совершенно невозможным.

Крайне любопытно становится поэтому узнать поближе те нравственные источники, из которых рождается одушевление г. Щедрина, доставляющее ему такие преимущества перед последователями, окрашивающее его произведения в особенный цвет и сообщающее им такую резкую физиономию. Сколько нам кажется, в основе его одушевления нет определенного, законченного, установившегося созерцания, и едва ли возможно связать происхождение его с каким-либо глубоко продуманным политическим или социальным учением. Намеки, которые существуют в его произведениях на то или другое, или противоречат друг другу, или не имеют тех признаков, по которым узнаются части обработанной системы непоколебимого верования. По нашему мнению, источник этого одушевления кроется в органическом, прирожденном и, стало быть, непреодолимом отвращении к быту, из которого вырос сам г. Щедрин, со всем своим поколением, и в инстинктивной потребности — преследовать его везде, где бы он еще оказался налицо. Для него он враг еще более, чем материал литературной обработки или исследования. При этом, разумеется, нечего ожидать, чтоб автор вздумал заниматься судейским разбирательством недостатков и погрешностей описываемой эпохи или принялся за педантическое взвешивание и обсуждение ее сторон: одного общего представления ее, как мрачного факта, вызывающего и оправдывающего всякого рода отрицание, тут уже достаточно. Что настроение подобного рода способно развить замечательные творческие силы в писателе — доказывается примером г. Щедрина. Мы уже говорили об его тоне, манере и едком юморе, но этого мало: настроение подсказало ему все те эпитеты, прозвища, определения, которые возлагаются автором, словно позорные клейма, на образы, им выводимые, на порядок мыслей, им разбираемый. И здесь еще не кончается дело. Одушевление, полученное этим путем, уполномочивает его на такую смелость языка и речи, на такую откровенность и во многих случаях на такой цинизм намеков, какие не были бы приняты публикой ни от кого другого: достоинство и сущность одушевления покрывают здесь все частности. Нельзя требовать от всякой натуры, чтоб она умела воздержаться от поползновения делать жертвы вокруг себя, когда она стремится к определенной цели: г. Щедрин и делает их из всех предметов и явлений, которые носят еще на себе мерцание старого, пережитого и осужденного быта...

История одного города

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Давно уже имел я намерение написать историю какого-нибудь города (или края) в данный период времени, но разные обстоятельства мешали этому предпринятию. Преимущественно же препятствовал недостаток в материале, сколько-нибудь достоверном и правдоподобном. Ныне, роюсь в глуповском городском архиве, я случайно попал на довольно объемистую связку тетрадей, носящих общее название «Глуповского Летописца», и, рассмотрев их, нашел, что они могут служить немаловажным подспорьем в деле осуществления моего намерения. Содержание «Летописца» довольно однообразно; оно почти исключительно исчерпывается биографиями градоначальников, в течение почти целого столетия владевших судьбами города Глупова, и описанием замечательнейших их действий, как-то: скорой езды на почтовых, энергического взыскания недоимок, походов против обывателей, устройства и расстройства мостовых, обложения данями откупщиков и т. д. Тем не менее даже и по этим скудным фактам оказывается возможным уловить физиономию города и уследить, как в его истории отражались разнообразные перемены, одновременно происходившие в высших сферах. Так, например, градоначальники времен Бирона отличаются безрассудством, градоначальники времен Потемкина — распорядительностью, а градоначальники времен Разумовского — неизвестным происхождением и рыцарскою отвагою. Все они секут обывателей, но первые секут абсолютно, вторые объясняют причины своей распорядительности требованиями цивилизации, третьи желают, чтоб обыватели во всем положились на их отвагу. Такое разнообразие мероприятий,

конечно, не могло не воздействовать и на самый внутренний склад обывательской жизни; в первом случае обыватели трепетали бессознательно, во втором — трепетали с сознанием собственной пользы, в третьем — возвышались до трепета, исполненного доверия. Даже энергическая езда на почтовых — и та неизбежно должна была оказывать известную долю влияния, укрепляя обывательский дух примерами лошадиной бодрости и нестомчивости¹.

Летопись ведена преемственно четырьмя городовыми архивариусами² и обнимает период времени с 1731 по 1825 год. В этом году, по-видимому, даже для архивариусов литературная деятельность перестала быть доступною. Внешность «Летописца» имеет вид самый настоящий, то есть такой, который не позволяет ни на минуту усомниться в его подлинности; листы его так же желты и испещрены каракулями, так же изъедены мышами и загажены мухами, как и листы любого памятника погодинского древлехранилища. Так и чувствуется, как сидел над ними какой-нибудь архивный Пимен, освещая свой труд трепетно горящею саломною свечкой и всячески защищая его от неминуемой любознательности гг. Шубинского, Мордовцева и Мельникова. Летописи предшествует особый свод, или «опись», составленная, очевидно, последним летописцем; кроме того, в виде оправдательных документов, к ней приложено несколько детских тетрадок, заключающих в себе оригинальные упражнения на различные темы административно-теоретического содержания. Таковы, например, рассуждения: «об административном всех градоначальников единомыслии», «о благовидной градоначальников наружности», «о спасительности усмирений (с картинками)», «мысли при взыскании недоимок», «превратное течение времени» и, наконец, довольно объемистая диссертация «о строгости». Утвердительно можно сказать, что упражнения эти обязаны своим происхождением перу различных градоначальников (многие из них даже подписаны) и имеют то драгоценное свойство, что, во-первых, дают совершенно верное

¹ Нестомчивость — выносливость.

² Архивариус — чиновник, ведающий архивом.